

Автор: Выгонский С. (Россия)

Несколько лет назад мною были опубликованы статьи «Дао чиновника» и «Экзистенциализм для менеджера». В них рассказывалось о том, как проявляются психологические проблемы экзистенциального регистра у руководителей всех уровней.

Напомню, что в начале и середине прошлого века само название этого направления, использованное в заголовке второй публикации, считалось маргинальным, а связанные с ним темы бурно обсуждались такими видными европейскими интеллектуалами как М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.П. Сартр, А. Камю. И сейчас мы переживаем ренессанс интереса к этой области знаний. Похоже, настало время вернуться к разговору о том, как «проклятые» вопросы влияют на управленческую деятельность.

Я — преподаватель экзистенциальной психотерапии. Чем же отличается такой подход от других методов лечения словом? Прежде всего тем, что внимание врача в первую очередь направлено на такие переживания как страх смерти, одиночество, чувство вины. Подобные эмоциональные состояния присущи многим людям. И управленцы в этом отношении совсем не являются исключением.

Нередко меня спрашивают о том, оказывает ли влияние на мою повседневную жизнь психотерапевтическая работа в экзистенциальном ключе. Безусловно, да. Притом в самых различных формах. Например, когда мне присылают приглашение вступить в сообщество на Liveinternet.ru, созданное ценителями фантазий, я напоминаю им о существовании других продуктов человеческого ума, эмоционально более сильных.

Иначе говоря, когда в электронном послании некто интересуется тем, мечтаю ли я, в ответ ему приходит письмо, в котором сообщается, что мои мысли значительно чаще заняты темой бренности человека. И такие размышления не носят отвлеченный философский характер, а имеют исключительно прикладное значение.

Страх — повод для офисных войн?

Частое участие в различных социальных проектах позволило мне накопить определенный опыт общения с представителями административных структур. Замечу, что эта категория людей наделена чертами, которые складываются в целостный психологический портрет. Типичный управленец уравновешен, невозмутим, устойчив к стрессам, коммуникабелен, ориентирован на перемены в общественных настроениях, в том числе связанных с положением других собратьев по профессии.

Казалось бы, откуда у такой личности может появиться тревога, вызванная самим фактом смертности людей. Так, кое-что из области мозговых отклонений. И, тем не менее, все эти директора, менеджеры, администраторы вели себя как простые смертные

(простите за каламбур) в ситуациях, в которых эта «тема» становилась особенно актуальной. Однако и здесь имелись свои особенности.

В чем же состоит главное отличие? Думаю, в том, что управленца страшит социальная смерть, крушение карьеры, риск оказаться вне административного аппарата, ибо вся его жизнь связана со структурами, которые во все времена не отличались особой устойчивостью. Поэтому у таких людей особенно сильны механизмы психологической защиты, позволяющие контролировать напор страха смерти.

При малейшем усилении этого переживания у руководителя, занимающего любой пост, будь то должность директора предприятия или начальника отдела, активизируются инстинкт самосохранения. Разумеется, образ угрозы проецируется на инстанции (личностные или корпоративные), наделенные властью над таким человеком.

И неважен тот факт, что причина беспокойства может заключаться совсем в другом. Гораздо важнее то, что, будучи потревоженным, к примеру, случайным разговором, и не проводя осознанной связи между ним и своим состоянием, человек начинает мысленно «сканировать» окружающее на предмет угрозы. Его сознание помещает источник опасности туда, где вероятность ее появления наиболее велика.

Сексуальна ли тревога?

Стремление выжить в своем базовом варианте проявляется в склонности к интригам, закулисной борьбе против явных или предполагаемых врагов, поиску союзников в той же управленческой среде, попыток влиять на первых лиц организации или приближенных к ним специалистов. Зачастую борьба за сохранение статуса толкает управленца на компромисс с этическими принципами. Нередко такие действия становятся откровенно иррациональными. И такой сценарий вовсе не редкость.

Примером перенаправленного беспокойства может служить следующая история. Женщина средних лет работала начальником финансового отдела в государственной управленческой структуре. Ее личная жизнь складывалась не самым наилучшим образом, и мысли об этом постепенно приобретали экзистенциальный оттенок. Используя это выражение, я имею в виду, что чувство обиды, вызванное неосуществленными семейными планами, у женщины нарастало и становилось неоправданно расширенным.

В какой-то момент сановная дама решила, что ее заслуги перед ведомством недооценены, а начальник управления, в структуру которого входило возглавляемое ею подразделение, явно не спешит рекомендовать ее на повышение. И тогда, окончательно испортив отношения со своим руководством и коллегами, наша героиня уходит работать в параллельную организацию. Только потом стало ясно, что тревога, обусловленная жизненной неудовлетворенностью, никуда не делась и мешает ей адаптироваться к новому месту работы.

Можно ли описанный случай считать иллюстрацией того, как страх смерти

проявляется в управленческой деятельности? Безусловно, поскольку создание семьи и рождение детей есть своего рода приобщение к генетическому бессмертию, которым наделено все живое. Крах же таких перспектив неизменно вызывает усиление беспокойности. К тому же здесь имелось еще одно отягощающее обстоятельство — тревога бессознательно была перемещена из личной в общественную сферу, что и стало причиной непродуманных поступков.

Гораздо правильней, по-видимому, было бы решать эмоциональные проблемы в рамках той плоскости, к которой они относятся. И тогда брачная неустроенность стала бы предметом задушевной беседы с подругой или семейным консультантом, а характер служебных трудностей, возможно, прояснился бы после разговора в кабинете непосредственного руководителя.

Виновность как причина заблуждений

Экзистенциальная тревога зачастую возникает вместе с другим переживанием — чувством виновности. Конечно, поначалу его «голос» едва слышен. Но затем оно обретает вполне конкретные очертания, хотя и скрывается за защитными масками. Например, управленец вдруг становится религиозным, посещает храм, начинает соблюдать пост, читает литературу духовного содержания. Иногда подобный настрой может проявляться в повышенном внимании к оккультным практикам и эзотерическому чтению.

Однажды мне пришлось разговаривать с руководителем муниципального образовательного учреждения. В частной беседе этот человек рассказал мне о том, что в последнее время у него появились неприятности. После «неудовлетворительной» ревизии финансово-хозяйственной деятельности (к концу года не были освоены все бюджетные средства, выделенные на капитальный ремонт школы) ему объявили выговор. И теперь он опасался, что после повторной проверки, на этот раз организации учебного процесса, ему вынесут второе дисциплинарное взыскание. А это, согласитесь, весьма тревожный симптом, свидетельствующий о значительном возрастании риска потерять свою работу.

Как такового, чувства страха у него не было. Однако неожиданно появился интерес к парапсихологии и феноменальным психическим способностям. Я объяснил ему, что страх потерять работу все же присутствует у него в скрытом виде. А вместе с ним и чувство виновности за неиспользованные полностью шансы в управленческой и профессиональной сфере.

И бороться с этими переживаниями следует не путем ухода от действительности с ее проблемами, чему способствовали новые интеллектуальные, но непродуктивные увлечения, а через возвращение к оставленной профессии. В конце концов, он всегда сможет работать преподавателем. Для этого нужно только поддерживать в рабочем состоянии свои профессиональные навыки. Необходимо лишь найти время и поработать в этой же школе, но только в качестве обычного учителя истории.

Столь очевидные рассуждения подействовали успокаивающе на моего собеседника. Постепенно фокус его интересов переместился от экстраординарных способностей к обычному профессиональному чтению. Кстати, этот совет носил рутинный характер. Дело в том, что мои наблюдения показали, что те руководители, которые не бросают свои прежние профессиональные занятия, гораздо спокойнее относятся к любым негативным поворотам в собственной судьбе.

Каково быть реальным?

Страх смерти всегда направлен на некое глубинное чувство, которое лежит в основе положительного восприятия человеком самого себя.

Поговорим об этом подробнее.

Как-то раз мне пришлось участвовать в избирательной кампании в поддержку руководителя ремонтного предприятия. Он выглядел как человек, весьма уверенный в себе и собственных силах. Каждое слово произносилось им с большим достоинством. Я был уверен в том, что у меня не сложатся отношения с этим топ-менеджером — настолько он был преисполнен собственной важности и, похоже, совершенно не нуждался в советах со стороны.

Однако быстроменяющиеся настроения электората требовали частых встреч с этим кандидатом. И однажды я представил ему отчет фокус-группового интервью, в котором респонденты сообщали о том, что они не намерены за него голосовать. Этот человек казался им оторванным от жизни, высокомерным, подчеркивающим свою элитарность дорогими аксессуарами (на видеозаписи его выступления можно было увидеть произвольные движения рук, которые так или иначе привлекали внимание телезрителей к брендовым часам и авторучке).

В доверительном разговоре, который у меня состоялся с этим управленцем, выяснилось, что в глубине души он испытывает значительные сомнения относительно своего решения баллотироваться в городской орган выборной власти. Оказалось, что ему присущи сомнения и в правильности других своих поступков. Тогда я сформулировал для него понятие «ощущение реальности своего «Я» и задал ему вопрос — ощущает ли он в полной мере факт собственного существования. Выяснилось, что и здесь имелись проблемы. Мой собеседник воспринимал себя размыто, нецелостно, малоэмоционально.

Нет, речь вовсе не шла о психическом расстройстве. В результате ориентированности на сиюминутное и актуальное, как это нередко бывает с представителями управленческой среды, наш герой страдал онтологической неуверенностью. Именно так Р. Лэнг предложил называть подобные состояния.

Прилагательное «онтологический» в этой лексической конструкции подчеркивает бытийный, базовый, мировоззренческий характер такого чувства. Думаю, что для его обозначения также можно использовать метафору «внутренняя пустота». А чрезмерная

публичная важность, не соответствовавшая действительному положению дел, выступала в роли защиты от этого переживания.

Судя по степени откровенности со мной, пришлым специалистом, консультируемый догадывался об истинных причинах той непростой ситуации, в которой он оказался. Конечно, в течение одного вечера решить психологические проблемы такого уровня просто невозможно. Да и советы, вероятно, звучали не очень конкретно и убедительно — предлагалось хотя бы кратковременно вырваться из-под гнета текущих обязанностей, прислушиваться к самому себе и своим желаниям, находить в своей тщательно распланированной жизни немного времени для каких-то простых, но интересных занятий. Я вовсе не предлагал ему бросить управленческую работу — сие невозможно в наши дни, когда начальственное положение помогает преодолевать одни трудности, зачастую порождая взамен совсем другие.

Честно признаюсь, я больше не встречался с этим человеком — день сдачи отчета был завершающим для моей работы в таком качестве. Надеюсь, все же, что этот важный господин сумел найти в себе силы победить скуку своего повседневного бытия. Некоторые невроты, увы, бывают до безобразия неинтересны, что совсем не дает повода психотерапевтам-консультантам бездействовать.

Одиночество менеджера

Долгое пребывание на высоких постах либо в приближенных к ним структурах зачастую приводит к возникновению еще одной психологической вредности. И здесь нужно сделать небольшое отступление. Необходимо дополнить образ типичного руководителя, описанный выше. Помимо прочего такие люди обычно весьма общительны, эмоционально открыты, способны в любой обстановке и по любому поводу произнести зажигательный спич, будь то предпраздничное поздравление, приветственное слово или протокольный комплимент.

Вместе с тем представители административных кругов, как правило, скрытны в своих оценках, непосредственно касающихся вышестоящего начальства и коллег на работе. Подобная стратегия направлена на выживание — ведь неизвестно кому будет доложено о крамольных речах. Да и потенциальных «попутчиков» для создания будущих коалиций нужно выбирать с умом.

Однако потребность разговоров «по душам», присущая российскому человеку, остается неутоленной. По этой причине накопившиеся откровения зачастую изливаются на совершенно случайных людей, работающих в сторонних организациях. К тому же такие встречи нередко сопровождаются алкогольными возлияниями, позволяющими снять барьеры откровенности. А заодно и оказывающие релаксирующее воздействие на тех, кто устал от стресса ответственности. И это чревато возникновением алкоголизма, о чем должен помнить каждый администратор. Но об этом — в другой раз.

* * *

Как мы видим, психологических проблем, которые принято называть экзистенциальными, в управленческой среде более чем достаточно. И без вмешательства специалиста-консультанта в некоторых случаях не обойтись. И тем не менее я считаю, что в административную элиту попадают люди, наделенные как достаточно высоким интеллектом, так и способностью критически оценивать себя, впрочем, точно также, как и окружающих. Поэтому настоящая статья, по моему мнению, поможет читателям во многом разобраться самостоятельно. Умение работать психологически с собственным «Я» — одно из важнейших условий выживания любого руководителя.